

Тьма густела, словно непролитые чернила, тяжёлым пологом оседая на плечи Е Цзиньюня.

Мир культивации неумолим: здесь выживает сильнейший, а отсутствие бездумного милосердия компенсируется жестокостью тех, кто бьёт первым.

И пусть Е Цзиньюнь был иномиряннином, переродившимся в этом теле, с хрупкостью человеческой натуры он успел познакомиться сполна — оттого-то в иллюзии его с такой силой потянуло к прошлому воплощению.

Даже понимая, что всё увиденное там — лишь обман, Цзиньюнь не мог заглушить сомнений, терзавших душу. Зачем Шэнь Гухань преодолел тысячи ли, чтобы добраться до Хэнчжоу, привёл его в Секту Меча, заключил с ним Контракт Дао и подставил плечо, разделяя с ним годы жизни? Зачем обещал достать десятитысячелетнюю траву летящего песка? Вдобавок эта Система с её заданиями, постоянно вращавшимися вокруг Шэнь Гуханя... Каждое совпадение казалось подозрительным. А сестрёнка Илин... неужели она и впрямь демоническая практикующая?

— Е Цзиньюнь! — выкрикнул старейшина, распорядившийся на Пике Меча и проводивший перекличку.

— Я здесь, — ответил Цзиньюнь, делая шаг вперёд.

Старейшина-управляющий уже знал, что юноша стал личным учеником главы секты. Хотя по неизвестной причине новость эту не разглашали, старейшина обратился к нему подчёркнуто вежливо:

— Ты идёшь со мной. Остальные — за помощником.

С этими словами он негромко бросил пару фраз человеку в светлых даосских одеждах, стоящему подле него, и тот увёл группу учеников внешнего круга.

Е Цзиньюнь остался на месте, ожидая указаний. Взгляды, которыми его одаривали окружающие, мешались в пёстрый коктейль: от уважения до жалости, но пуще всего — презрения. Почтение вызывало то, что он первым одолел Тропу Испытаний Секты Меча; жалость — его уничтоженные духовные корни, превратившие его в калеку; а презрение... презрение питал каждый, кто видел перед собой обычного смертного, неспособного к культивации и навсегда отрезанного от их мира.

Цзиньюнь сжал кулаки. Ведь когда-то и у него были духовные корни.

— Твоя доля иная, — произнёс старейшина, глядя на бледного юношу. Он протянул ему деревянную плашку: — Это жетон личного ученика Секты Меча. Окропи его каплей крови из пальца, и станешь одним из нас. Дядюшка Шэнь велел привезти тебя на Пик Меча. Впредь по

любым вопросам обращай к нему.

Снова Шэнь Гухань? Что за замысел кроется за его поступками? Почему он так печётся о нём?

Мысли Е Цзиньюня перепутались, но он всё же принял жетон и без колебаний прикусил палец. По дереву скользнул тусклый отблеск — не в пример тому величественному сиянию, с каким пробуждались Девять Мистических Колонн.

Впрочем, неважно. Главное — он вновь ступил на путь культивации.

«Шэнь Гухань... спасибо тебе».

\*\*\*

Вернувшись в свою бамбуковую хижину, Шэнь Гухань обнаружил талисман с передачей послания от главы Секты Меча: тот приказывал немедленно явиться к нему на аудиенцию без свидетелей.

Шэнь Гухань сжёг талисман дотла, и в глубине его глаз мелькнула тёмная тень.

\*\*\*

В помещении струился тонкий сизый дымок сандала. Мужчина в пышном облачении главы секты не отрывал взгляда от висевшего на стене портрета. Женщина, изображённая на нём, обладала пленительной красотой, но более всего завораживали её глаза — живые, лучистые, точно перед зрителем стоял не рисунок, а живой человек.

— Пришёл? — спросил Юй Цзи, не оборачиваясь. В его бороде запуталась седина, а в голосе звучала печаль по ушедшим дням.

Шэнь Гухань склонил голову:

— Учитель.

Юй Цзи повернулся к нему:

— Зачем ты помогаешь Е Цзиньюню?

— Он — Избранник Судьбы, — спокойно отозвался Гухань.

Юй Цзи покачал головой:

— У нас уже есть свой Избранник Судьбы. Е Цзиньюнь пробудил Девять Мистических Колонн, но кандидат из него никудышный. Заключать с ним Контракт Дао — чистый убыток для тебя.

— Я добуду Меч Тайа собственными силами.

Перед взором Шэнь Гуханя встал образ Цзиньюня со следами крови на губах. Он находил этого юношу достойным и не желал превращать его в пешку. К тому же он был твёрдо уверен, что сумеет овладеть Мечом Тайа и без чужой помощи.

— Что бы ты там себе ни воображал, твоей матери нужна помощь, и в этом деле нельзя допускать ошибок, — Юй Цзи, глядя на самоуверенного ученика, тяжело вздохнул: тот разительно напоминал ему покойную возлюбленную — такую же непреклонную и гордую. — Даже если Е Цзиньюнь получит десятилетияльную траву летящего песка, его тело останется сковано Пятью духовными корнями. У Ли Ичань же — чистейший одиночный духовный корень. Лишь она одна подходит на эту роль.

— Учитель, моя мать мертва уже много лет, — с бесстрастным лицом ответил Шэнь Гухань, переведя взгляд на изображение. Картина была прекрасна, но он никогда не знал этой женщины и не разделял скорби своего наставника. Единственная причина, по которой он подчинялся главе, заключалась в желании отплатить за воспитание, хотя сам Юй Цзи мало заботился о подобных счетах.

Едва эти слова слетели с его губ, как Юй Цзи вспыхнул гневом:

— Твоя мать просто спит!

Шэнь Гухань промолчал. Он был демоническим практиком и Демоническим Владыкой, в то время как Юй Цзи, глава праведной Секты Меча, не просто позволил будущему Владыке Демонов открыто занять место старшего ученика, но и взрастил его собственными руками. Юй Цзи давно одержим безумием.

— Как бы то ни было, не забудь о своём долге, — совладав с собой, уже более сухо добавил глава. — Ступай.

— Слушаюсь.

Шэнь Гухань толкнул дверь. Переступив порог, он замер и напоследок бросил взгляд на портрет и на старика, заворожённо смотревшего на лик покойной. В ледяной груди Владыки Демонов на миг откликнулась глухая боль.

\*\*\*

Ночь дышала мраком; пробившись сквозь пелену туч, лунный свет опустился на хрупкие плечи Е Цзиньюня.

— Почему ты здесь? — Шэнь Гухань заметил его ещё подходя к порогу.

— Старейшина-управляющий велел ждать тебя тут.

Летние ночи в горах отдавали прохладой, а уединённая хижина Шэнь Гуханя утопала в сырости бамбукового леса. На кончиках волос Е Цзиньюня уже блестели мелкие капли росы.

Шэнь Гухань окинул взглядом его выцветшую одежду. Почему он не надел подаренное священное одеяние высшего качества?

— Не замёрз?

— Бывало и хуже. Только вот за день крохи во рту не было — проголодался.

Цзиньюнь до сих пор оставался смертным, и ему требовалась пища.

Это заявление поставило Шэнь Гуханя в тупик: сам он давно отказался от мирской еды, вкусы и запахи человеческих кушаний остались в далёком прошлом, и в его пространственном кольце не нашлось бы и сухой корки.

Е Цзиньюнь прочёл замешательство на его лице и вздохнул:

— Нет так нет. Где мне прилечь?

Но Шэнь Гухань вовсе не намеревался оставлять его голодным. На память ему пришёл младший брат Гу Шаосинь — непутёвый ученик, вечно таскавший с собой всякую мишуру и земные лакомства.

— Найдётся. Жди, — бросил Гухань и отправил передаточный талисман.

Е Цзиньюнь даже опешил: кто бы мог подумать, что Шэнь Гухань станет беспокоиться о его пропитании? Вчера ночью тот и слышать не хотел о том, чтобы уступить ему постель. Чувствуя неловкость, юноша замер в стороне, не решаясь разрушить молчание.

Заметив смущение гостя, Шэнь Гухань хотел было заговорить, но не успел.

— Старший брат, ты меня искал? — на пороге возник Гу Шаосинь, живший неподалёку на Пике Меча. Получив весть от обычно неприступного старшего брата, он примчался без

промедления. Но, застав двоих молча переглядывающимися, почувствовал себя лишним. — Я... не вовремя?

— Еда есть? — без прелюдий спросил Шэнь Гухань.

— А? Да, да, конечно! — опешил Шаосинь. Решив, что случилось нечто из ряда вон выходящее, он тут же извлёк из пространственного кольца припасённые яства и кувшин вина.

— Теперь свободен, — отрезал Шэнь Гухань, а затем обратился к Цзиньюню: — Садись, ешь.

Гу Шаосинь лишился дара речи. Это же его запасы! Мало того, что его выставили, так ещё и отдали все угощения какому-то ученику, которого они видели от силы пару раз! Пусть даже тот и прозван Избранныком Судьбы, разве так поступают?

«Старший брат совсем изменился... Двойные стандарты во всей красе!» — мысленно возопил Шаосинь, но под ледяным, отстранённым взглядом Гуханя лишь удручённо вздохнул и поплёлся к выходу.

— Погоди, — окликнул его Шэнь Гухань, заметив на столе лишь один комплект приборов. — Принеси ещё пару палочек и пиалу.

Обернувшийся с надеждой Шаосинь едва не поперхнулся от обиды.

Глядя вслед оскорблённому в лучших чувствах Гу Шаосиню, Е Цзиньюнь не спешил приступить к трапезе.

— Не слишком ли ты с ним? Всё-таки это его припасы.

Шэнь Гухань, не придавая значения произошедшему, первым опустился на стул и подхватил палочки:

— Младший брат Гу отходчив, но ужасно болтлив. Останься он здесь — завалил бы тебя расспросами. Проще сразу отвадить его, чем потом терпеть головную боль. — Заметив, что Цзиньюнь всё ещё мешкает, он слегка нахмурился: — Ешь. Я составлю компанию.

Е Цзиньюнь и впрямь проголодался, поэтому спорить не стал. Однако в середине трапезы он обратил внимание, что Гухань, хоть и держал палочки, к еде так и не прикоснулся. Его лицо оставалось непроницаемым, а губы были сжаты в тонкую линию.

Похоже, его терзали какие-то мысли. Впрочем, они друг другу никто, и навязчивая забота могла лишь вызвать отторжение. Тут взгляд Цзиньюня упал на кувшин с вином. Хмельной напиток всегда сближает людей.

— Раз уж ты просто сидишь за компанию, мне одному есть как-то неловко, — произнёс он. — Может, выпьем?

Шэнь Гухань всегда был равнодушен к земным радостям, а палочки взял лишь ради вежливости. Он не ожидал предложения выпить и на миг замешкался.

А Цзиньюнь тем временем уже осушил первую пиалу. Со дня смерти отца ему не выпадало случая спокойно поужинать, и обжигающий хмель принёс приятное облегчение.

Шэнь Гухань наблюдал, как во взгляде юноши проступает хмельная поволока, и, покачав головой с едва заметной ухмылкой, тоже налил себе пиалу и опустошил её.

— Давай ещё по одной! — Е Цзиньюнь снова поднял сосуд.

Спустя пару-тройку пиал Цзиньюнь посчитал, что момент настал, и негромко спросил:

— Ты сегодня сам не свой. Что-то стряслось?

Шэнь Гухань удивлённо моргнул. Проскользнувшая в голосе собеседника забота отозвалась в его груди неожиданным теплом.

— Всё в порядке, — ответил он.

— Врёшь, — Е Цзиньюнь уставился ему прямо в глаза, хмельно прищурившись. — Ну зачем лгать, когда мы пьём? Разве вино не развязывает языки?

Гухань сдержал улыбку. Он — Демонический Владыка, и столь слабый хмель не мог одолеть его разум. Но искренний порыв Цзиньюня подтолкнул его осушить ещё одну пиалу. Терпкая жидкость обжгла горло, и ему показалось, будто хмель всё же коснулся и его сознания.

— Смотри, луна и звёзды! — Цзиньюнь внезапно вскинул руку, указывая на небосвод. На его раскрасневшихся щеках играл румянец, а взгляд стал чистым и беззаботным, точно у ребёнка.

Шэнь Гухань проследил за его тонким пальцем. Небосвод был вышит россыпью сияющих созвездий, а среди них величаво покоился огромный лунный диск, подобный безупречному нефриту, излучающему мягкий свет. Сердце Владыки Демонов вновь наполнилось умиротворением — точно таким же, какое он ощущал в том мире иллюзий.

Поддавшись этому чувству, он тихо спросил:

— Е Цзиньюнь... Как думаешь, может ли умерший вернуться к жизни?

Цзиньюнь повернул к нему голову, бессмысленно похлопал ресницами и бессильно уткнулся лицом в стол, окончательно сморенный хмелем.

Шэнь Гухань с улыбкой покачал головой. Человек мёртв уже столько лет — о каком перерождении может идти речь?

Он поднялся со своего места, намереваясь отнести захмелевшего юношу в дом.

— Может... Я ведь смог, — внезапно пробормотал Е Цзиньюнь, едва удерживаясь на ногах. Он подался вперёд, глядя на Шэнь Гуханя влажными, подёрнутыми хмельной дымкой глазами — взгляд его миндалевидных очей пьянил сильнее любого вина.

Зрачки Шэнь Гуханя расширились. В горле мгновенно пересохло, и он прочистил голос, хрипло переспросив:

— Что ты сказал?

Но Е Цзиньюнь был слишком пьян: ноги его подкосились, и он окончательно лишился сил, уткнувшись лицом в грудь Гуханя.

— Переродился... я ведь... — едва слышно прошептал он и затих.

<http://bllate.org/book/20642/2131927>